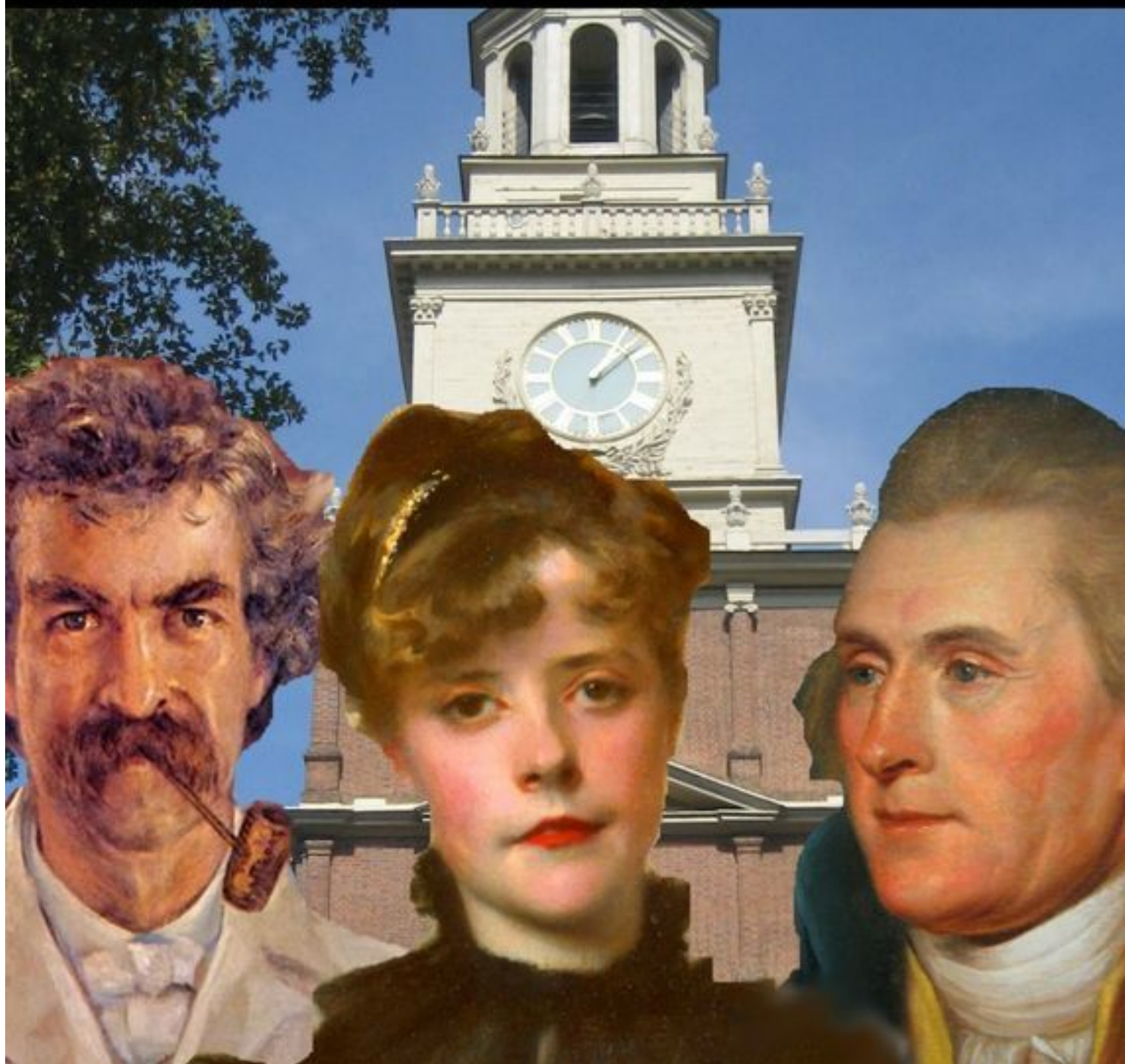

Владимир Романовский
Америка как есть

история Америки для тех, кто не любит историю

Владимир Романовский

Америка как есть

«Издательские решения»

2015

Романовский В. Д.

Америка как есть / В. Д. Романовский — «Издательские решения», 2015

Что такое Америка на самом деле — знают (на самом деле) немногие. Нет ни страны-ангела, ни страны-монстра. Все гораздо интереснее. Данная книга написана автором по просьбе хорошего московского знакомого, которому действительно стало интересно — что же это такое, настоящая Америка.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава первая. Король Джон	10
Глава вторая. Хенри Восьмой	14
Глава третья. Операция «Черный Ястреб»	16
Глава четвертая. Филадельфия	17
Глава пятая. О стратегии	21
Глава шестая. Отступление о рабовладении	23
Глава седьмая. Сага о помощи	25
Глава восьмая. Конституция и религия	26
Глава девятая. Томми	28
Глава десятая. Война г-на Мэдисона	31
Глава одиннадцатая. К вопросу о демографии	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Америка как есть
история Америки для тех,
кто не любит историю**

Владимир Дмитриевич Романовский

- © Владимир Дмитриевич Романовский, 2015
- © Джон Сингер Сарджент, иллюстрации, 2015
- © Джеймс Кэрролл Беквит, иллюстрации, 2015
- © Чарльз Уилсон Пил, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Выражаю искреннюю благодарность всем, кто инициировал написание этого романно-исторического повествования для тех, кто предпочитает романы истории —

Сергею Фролову, по чьей просьбе написана эта книга

А также —

Алексею Мартынюку
Максиму Иванову
Льву Гладышеву
Владимиру Перемолотову
Марине Бевза

Пролог

Эту книгу я написал по просьбе-пожеланию одного хорошего знакомого. Не будучи ни профессиональным историком, ни журналистом, я решил выдержать ее всю в обычном ключе – повествовательно-художественном. Чтобы она читалась, как роман с приключениями, детективными линиями, страстью, любовью, интересными персонажами и слегка запутанным сюжетом. Единственное правило, которому я пообещал себе следовать – выстраивать повествование в более или менее хронологическом порядке. Являясь художественным произведением, книга эта не претендует ни на точность, ни на полноту. Встречающиеся в ней изредка цифры – всегда приблизительные, поскольку любые точные цифры всегда можно оспорить, а я не для того пишу, чтобы какие-нибудь продвинутые педанты меня на статистике ловили.

телевизор

Телевизор

В связи с пропагандистскими изысками, войной противоречивых идеологий, демографического, военного и производственного авантюризма и прочих прелестей сегодняшней альтернативной религии, называемой политэкономия, или политэкономика, не помню, а также с помощью телевизора и Голливуда, настоящая Америка, та, которая была и есть на самом деле, все менее и менее известна, все труднее понимаема – даже самими американцами. Та Америка, о которой знает большинство населения планеты, Америка, какой она представлена

в средствах массовой информации, и, все чаще, в псевдо-исследованиях и псевдо-рефератах, не существовала никогда – не могла бы существовать в виду совершенно очевидных противоречий. Беззаветное восхищение и беззаветная же ненависть к Америке являются, в равной степени, проявлениями фанатизма языческого толка. И все бы ничего, но крики фанатиков мешают людям, действительно желающим знать, что это такое – Америка, разобраться в действительности.

Нет ни страны-ангела, ни страны-монстра, конечно же. Есть страна с интересной историей, золотая жила для исторического романиста, необычное, нетривиальное государство в Западном Полушарии. Основной язык – английский. Климат – по-разному, в зависимости от региона.

Человеки разумные

По одной из забавных теорий, давным-давно, в незапамятные недемократические времена, толща льдов покрывала шапкой значительную часть Северного Полушария. Затем по причинам, которые данное направление научно-мифологической мысли не объясняет, погода на планете самоутеплилась. Ледник стал отступать к северу. А меж тем всякая разная живность, включая человек разумных, привыкшая жить у кромки льдов, не пожелала с этой кромкой расстаться.

И вот некие монголоидного типа поселяне, резидентствовавшие, согласно этой версии, там, где в наше интенсивное время расположился французский город Париж с дворцами, садами и стеклянными японскими пирамидами, размножились настолько, что многим стало не хватать места на этой парижской долготе. И некоторые, помоложе и поактивнее, решили уйти в поиски, следуя вдоль кромки. И пошли себе. Сперва на Запад, наверное, но там обнаружилась Атлантика, мешающая идти. Тогда они повернули и пошли на восток. По пути им встретились Германия, Польша и Россия, но большого впечатления эти страны на них не произвели – там мало чего было тогда. Леса да хищники, в основном. Версия умалчивает о том, сколько времени длилась миграция – сто лет или пять тысяч лет. Но, перевалив через Урал и пройдя гуськом по Сибири, неусидчивые монголоиды эти, следуя за стремительно отступающим ледником и вдоль него, к восходящему солнцу, достигли Тихого Океана. Существовал ли во время оно Берингов Пролив, или они перешли на Аляску по льду – неизвестно. Некоторые

осели на Аляске, остальные разделились на две части. Одна, малая, часть осталась в Канаде и обитает там по сей день вместе с украинцами. Другая, большая, которой ледник к тому времени изрядно надоел, круто повернула направо и устремилась в земли, которые оказались неожиданно гостеприимными. Пройдя через Альберту, мигранты оказались – кто в Калифорнии, кто в Юте и Колорадо. Многие остановились и занялись устройством жизни и охотой на бизонов. Остальные продолжили поход на юг, через Техас и Мексику, и дальше, в Южную Америку, где впоследствии основывали империи и воевали друг с другом.

Бизон

Эти их баталии, кстати говоря, опровергают теорию, что милитаристские поползновения человечества всегда обуславливаются балансом доступных ресурсов. Южная Америка была в те времена настолько богата ресурсами, а людей было так мало, и потребности их настолько были невысоки, что хватало всем, с большим избытком. Приходится признать, что войну человечество любит просто так, иррационально, и букве экономических законов любовь эта не подчиняется. Так злобная и сварливая женщина в бигудях, равнодушная к деньгам и любящая плотно пожрать, выглядит в глазах влюбленного в нее юноши романтической принцессой с тонкими запястьями, нуждающейся в ласке и защите. Так или иначе, имперские монголоиды обладали по тем временам солидной культурой и даже строили города с громоздкими некрасивыми зданиями, которые так умиляют исследователей.

Некоторые из мигрантов имели весьма интересные представления о структуре времени и пространства, неплохо разбирались в астрономии (лучше, чем многие сегодняшние астрономы, натушно пытающиеся решить, была ли жизнь на Марсе), знали об округлости планеты. У них не было лошадей, зато всем хватало еды и земли. Возможно поэтому они так и не озаботились изобретением колеса и металлургии. Их империи переживали расцвет и упадок много

раз. Когда с востока к континенту ледниковых мигрантов пошли один за другим корабли испанцев, итальянцев, португальцев, а затем англичан, голландцев и, наконец, французов, империи находились в стадии дичайшего упадка.

Это само по себе странно.

Если не считать несерьезных и ничем не кончившихся попыток озверевших от плохого климата викингов, Христофор Колумб высадился в Пуэрто-Рико в 1492-м году. К этому моменту некоторые цивилизации Востока – Китай и Япония, к примеру – насчитывали тысячи лет существования. Китайцы неплохо плавали по морям. Японцы – тоже! Казалось бы – пройдя по берегу до Камчатки и переплыв пролив (а хоть бы и на плоту!) эти Греция и Рим Азии Великой могли преспокойно колонизировать Северную и Южную Америку задолго до европейцев, и это было бы гораздо проще и познавательнее, чем ссориться с кочующими монголами.

Не колонизировали. Предпочли вместо этого драться друг с другом, строить Великую Китайскую Стену, и сочинять ханжеские сказки для детей в педагогических целях.

Как бы там ни было – французы в начале облюбовали себе восток Канады, англичане и голландцы – земли на юг от Квебека, а испанцы – все остальные территории, не считая Бразилии, которую хапнули себе португальцы. Ледниковых мигрантов, основательно потрепав, обозвали индейцами и загнали в резервации. С тех пор мигранты эти много пьют.

Вскоре после этого, подражая средневековым арабам, колонисты европейского происхождения открыли для себя центральноафриканскую работорговлю. Межплеменная война, которая непрерывно велась в Африке, и, похоже, ведется до сих пор, приводила к ежегодному захвату большого количества пленных, которых затем превращали в рабов, и которых некуда потом было девать: предложение всегда превышало спрос. Американские колонисты, оснастив суда, стали скупать у победителей излишек – так на американском континенте появились представители негроидной расы. Некоторые из них поют нынче в опере.

Но – все по порядку.

Часть первая

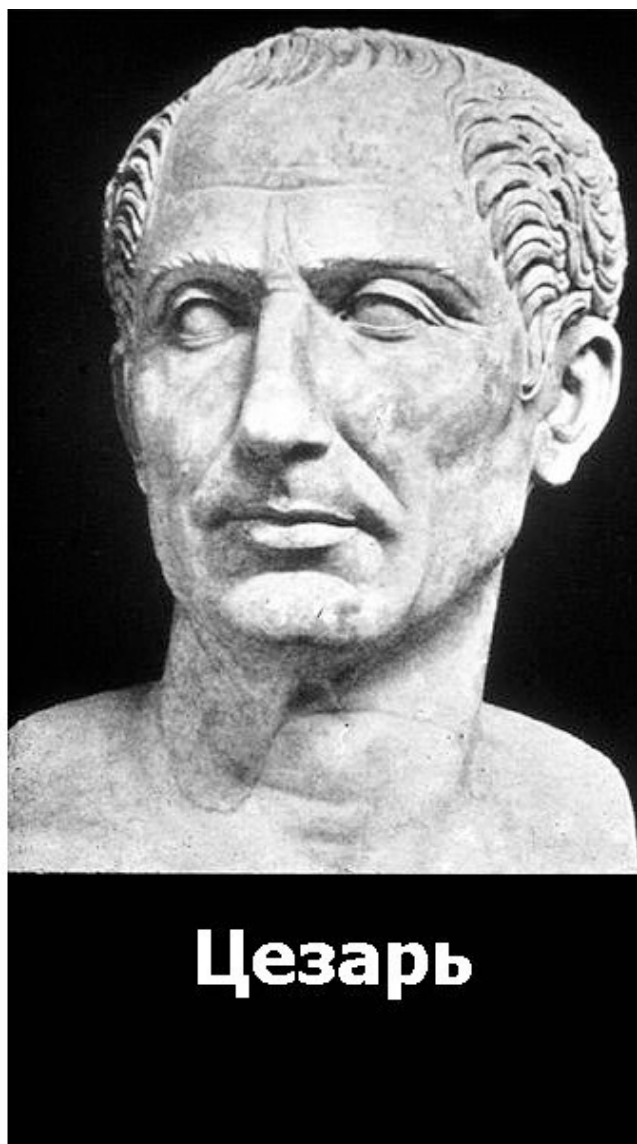
Глава первая. Король Джон

Англию пытались захватывать все, кому не лень, а в одиннадцатом веке этим особенно баловались датчане. А потом куда-то ушли, обидевшись. Но вот пришел Вильгельм-Завоеватель, он же Уильям, он же Гильом, переправился из Нормандии со своей ватагой арбалетчиков, учинил битву при Хэйстингсе, победил местного короля Харольда, и воцарился в Альбионе.

Норманны были потомками варангов-викингов, но скандинавских наречий не знали, а знали французский язык, который создавался примерно так:

На территории сегодняшней Франции дискутировали сперва по-галльски (это, типа, кельтское наречие такое), затем, в связи со странствиями Цезаря, по-латыни, а по пришествии бородатых франков – на каком-то из германских наречий. Затем дикую эту смесь узаконил кто-то из королей (возможно, Шарлемань, не помню), объявив ее государственным языком. Так появился язык французский, на котором и разговаривали между собой, обмениваясь важной информацией, норманны.

И вот эти норманны утверждают в Англии, но местное наречие учить отказываются, а говорят и дальше по-французски, поскольку это язык интеллигенции, а норманны любят, когда про них говорят, что они интеллигентные очень.

Юлий Цезарь, римский император

До сих пор, кстати говоря.

А провинциальные английские бароны французского не знали, и были менее интеллигентны. И вот, к примеру, приезжает к королю делегация баронов и предъявляет жалобы, мол налоги высокие, а урожай низкий, нельзя ли снизить налоги. Король выслушивает баронов очень вежливо, ни слова при этом не понимая. И отвечает им по-французски, интеллигентно – j'assерт, что значит – доводы Ваши принимаю, можете идти, Седрик, проводи их, да проследи, чтоб столовое серебро не спиздили по дороге. И, естественно, ничего не предпринимает по поводу жалоб. Очень похоже на сегодняшние дела во всех странах, кстати говоря.

Но вот проходит полтора века, и суровому Генри-Анри Второму английскому наследует Ришар, он же Ричард, в будущем – кур-де-лийон, то бишь, Львиное Сердце. Он знает английский по верхам, но это не важно, а важно то, что он гомосексуалист, и в силу этого отчаянный вояка. Вне похода себя не мыслит. Все время в седле, в окружении подтянутых доблестных воинов. И вот он отправляется в крестовый поход, или еще куда-то, и об этом слагают стихи и саги, а как раз в это время наступает год Милости Божией 1199-й. И в управлении страной остается брат Ричарда, по имени Джон. Тот самый, кстати говоря («Послушайте сказку минувших времен О доблестном принце по имени Джон». С. Маршак, перевод одного из Кентерберийских Сказаний).

Король Джон

Король Джон, он же Иоанн Безземельный

Джон – бабник, повеса, трепло, и большой шутник, с хорошим чувством юмора, знающий английский язык (во время оно уже щедро разбавленный французским) как родной. Воспользовавшись отсутствием грозного Ричарда, к Джону заявляется делегация всех баронов страны. Ему угрожают и его обвиняют, бряцая ржавыми свердами и крича «fuck you!» Король всех обобрал до нитки! С одной стороны Джон понимает, что сейчас у него отберут власть. С другой стороны он признает, что многие требования баронов – вполне здравые, и что дальше так нельзя, и надо что-то делать, нужны реформы.

Он усаживает баронов за стол, наливает им пива, и вместе они составляют уникальный документ, вошедший в историю как Магна Карта, она же Великая Хартия. Вспомнив многое, включая Евангелие и Римское Право, призвав в помощь писцов и священников, эта команда

сочиняет нечто вроде контракта между королем и его вассалами, с большим количеством пунктов, в которых оговаривается, что король имеет такие-то права, а бароны – такие-то, и по нарушении контракта любой из сторон эта сторона имеет право законно что-то предпринять – бароны, к примеру, считать себя независимыми от короля, а король – давать им, баронам, по башке. В общем, таким образом создается первая из известных историкам конституционная монархия. Впоследствии, правда, многие английские короли на Магна Карту плевали, но это незаконно, поскольку вместо того, чтобы следовать законам, они следовали велению сердца своего и тщеславию, и использовали личное обаяние и связи в целях укрепления власти в обход Магна Карты.

Тем не менее, дело было сделано, и Магна Карта существует и действует до сих пор, то бишь, более восьмиста лет.

Король Джон, доблестный принц, остался очень доволен и собой, и документом. А последующие короли начали мало по малу говорить по-английски, дабы не было больше таких вот недоразумений.

Глава вторая. Хенри Восьмой

Со времен подписания Магна Карты минуло много лет, и даже столетий, произошло много разных поучительных и полезных событий. В частности, Христофор Колумб открыл Кубу и Пуэрто-Рико, а затем и он, и его последователи приволокли с нового континента в Европу много интересного – например, картошку, помидоры, шоколад, индюшку и табак.

Елизавета Первая Английская, к которой упорно но безуспешно сватались Анри и Иоанн, француз и русский, оба Четвертые, любила моряков и часто посылала экспедиции в Новый Свет. При этом она худо-бедно поддерживала драматурга, написавшего верноподданническую пьесу о представителе конкурирующей фамилии, Ричарде Третьем Горбатом, обличающую его. Но так получилось, что сразу перед ней на английском троне восседал массивным своим североанглийским арсом Хенри Восьмой, которому не везло с женщинами. Не то ему изначально неприглядных подсовывали, подмазав и приодев, не то ему женщины быстро надоедали. В общем, решил он как-то развестись с очередной женой, и послал соответствующую просьбу Папе Римскому. Папа Римский возмутился до глубины своей римской души и сказал, что ежели каждый король начнет по двадцать раз ежедневно разводиться, то это будет не цивилизация, а вертеп, и пусть он, Хенри, доживает свой век с нынешней своей женой, как умеет, и да будет это впредь уроком последующим королям, чтобы выбирали себе жен подумавши, а не лишь бы какую.

Хенри очень обиделся на Папу и сказал, ах так! Тогда я против. Идите вы все со своим Римом, я сам буду теперь глава своей английской церкви. Образован я не хуже Папы, желание есть, деньги есть. Хуза!

И некоторая часть населения страны ему, Хенри, поверила. Может, из патриотизма. А может из-за того, что латынь не всем удобно учить. Не знаю. А только появилось целое движение, которое всегда появляется при коренных переменах – преданное этим самым переменам. И много было подвижников и сподвижников, и все они были верующие.

И прошло какое-то количество лет. На дворе был семнадцатый век, мушкетеры в Париже сдерживали Фронду, Рембрандт рисовал в Амстердаме мужчин хорошо а женщин не очень, на Руси было сперва Смутное Время, а потом воцарение Романовых, а судно под названием Майский Цвет с пилигримами, последователями подвижников, двигалось в Новый Свет. Рифма плохая.

Корабль «Майский Цвет»

Данные пилигримы рассуждали примерно так: в Старом Свете слишком много всякого, что отвлекает от служения Создателю. Слишком все пропитано наследием прошлого, грехом, интригой, политикой. А мы желаем сами по себе, и чтобы вера наша была таким образом чиста.

Были они, безусловно, аскеты суровые, довольствовались малым, и была у них действительно христианская этика. Не буква закона, но дух. Такое случается, хоть и редко.

Прибыв в Новый Свет, основали они поселение. В Новом Свете к тому моменту всякое уже наличествовало – драки с индейцами, ссылки преступников и проституток из Европы, местное баронство, французы, и так далее. Английские протестанты это все по большей части игнорировали, а пили себе кофе малыми дозами, экономя, и с тех пор этот самый противный и некрепкий пилигримовый кофе утвердился, как американский традиционный.

И занялись пилигримы чем попало, в том числе фермерством и управлением. И дали обширное потомство. И заселили все Восточное Побережье.

И тем не менее, они остались верны Англии и короне. И их потомки тоже. И восточно-побережные колонии официально принадлежали Англии в восемнадцатом веке.

Глава третья. Операция «Черный Ястреб»

В середине восемнадцатого века к западу от американского Восточного Побережья намечался вооруженный конфликт старых знакомых: Англии и Франции. В нем поучаствовали индейцы, отсюда – Черный Ястреб. Но дело не в этом.

Некое английское подразделение проявило под предводительством двадцатидвухлетнего лейтенанта самостоятельность и, пользуясь неправильной информацией о дислокации и численности противника, произвело по нему (противнику) неожиданный удар. Противник обменялся промеж собою интеллигентными французскими фразами и взял англичан в кольцо. Когда пули и ядра посыпались со всех сторон, англичане сдались, и пленных привели в палатку для подписания условий перемирия. Лейтенант, мрачный и сердитый, сел за стол, порассматривал условия, подумал, эка, мол, заковыристо написано, но что же делать, господа, надо подписывать. И подписал. Тут наличествует важная деталь. Лейтенант с французским языком знаком не был. А условия были написаны именно по-французски, и были эти условия вполне позорные.

Лейтенант узнал об этом впоследствии и возненавидел французов на всю жизнь. За презрение к его английскому интеллекту и английской же короне, коей он хранил верность.

В общем, случай вполне эпизодический, и ни на что он не повлиял бы, и был бы благополучно забыт, если бы у лейтенанта было другое какое-нибудь имя. Но именно этого лейтенанта звали Джордж Вашингтон.

Глава четвертая. Филадельфия

В Филадельфии я бываю периодически, и никогда не упускаю случая зайти и посидеть – во дворе старинного провинциального Конгресса (ныне именуется Холлом Независимости), и, в приемные часы, внутрь. Там теперь музей, но это несерьезно.

Здание напоминает стандартную американскую школу, построено примитивно, но прочно. Из двора (теперь во дворе сквер, а по периметру торчат несуразные в этом месте небоскребы), под арку – справа собственно Конгресс, слева – Верховный Суд, с нарочитым отсутствием входной двери (символизирует открытость). Здание маленькое по современным понятиям.

В общем, высокие налоги и невозможность выразить несогласие с такими налогами в лондонском Парламенте настроили среднее сословие американских Колоний враждебно по отношению к короне. К тому же сам король, Джордж Третий, не вызывал особых симпатий, а был самодур (правда, с чувством юмора). Англия среагировала на настроения в Колониях, и военный контингент в Новом Свете получил подкрепления. Эти подкрепления набирались не обязательно в Англии. Поскольку все колонисты были так или иначе подданными Англии, немалая часть солдат была из местных. Впоследствии приверженцев короны стали называть лоялистами.

Джордж (Георг) Третий, король Англии

Субсидии английской компании Ист-Индиз (она была почти полностью освобождена от налогов) раздражали бостонских купцов и пивоваров, а они, в свою очередь, настраивали остальное население, и объясняли высокие цены на продукты, предметы одежды, и землю дискриминацией со стороны Англии. И вот пивовар по имени Сэм Адамс (какая же английская заваруха обходится без пивовара) с дружкой, переодевшимися в индейцев для конспирации, забрели в порт, запрыгнули на борт судна с чаем, и весь этот чай вывалили к чертовой бабушке в воду. Кстати, потомки Адамса до сих пор торгуют пивом, и пиво это, особенно лагер, надо сказать – прекрасное, для тех, кто интересуется. Название сохранено – Сэм Адамс, или Сэмюэль Адамс. Серьезные любители пива говорят просто «Сэм», и бармены их понимают.

Английский военный контингент разгуливал по Бостону в красных камзолах. Местные шутники подначивали местных простачков подходить к солдатам и спрашивать, по чем нынче крабы на рынке.

Здание Конгресса в Филадельфии (ныне Холл Независимости)

Тем временем в Филадельфии собрался, в вышеупомянутом здании, Конгресс. И объявил о формировании Континентальной Армии. Потому что сколько ж можно.

Тут же последовал вооруженный конфликт. Пятимиллионная страна, минус лоялисты, противостояла великой Империи. Главкомандующим после многочисленных споров был назначен бывший молодой лейтенант, теперешний генерал, Джордж Вашингтон. Долго отнекивался (не шучу).

Собственно, так или иначе, Колонии отделились бы от Империи, поскольку ничем, кроме налогов, не были с нею больше связаны. У них была своя жизнь, на английскую не похожая.

Интересная деталь – к моменту начала действий лондонский Парламент официально оповещен не был. Т. е. покамест это был не официальный разрыв, но просто бунт.

Бунт ширился.

Колониями в это время правил помаленьку филадельфийский Конгресс. Обычная история – налоги, бюджет, средства, политики тянут резину, действующей армии на полях сражений не хватает снаряжения и амуниции. Немалый отрезок времени армия Вашингтона торчит в долине Валии Фордж, раздетая и голодная. Больше года. В этой связи упоминается некоторыми историками странный скандальный апокрифический эпизод, весьма похожий на правду.

Генерал Вашингтон военным гением отнюдь не был. Но то, что он был прирожденным лидером – сомнению не подлежит. Единство армии он сумел сохранить вопреки многому.

И когда почувствовал, что дальше так нельзя, разбегутся солдатики, то, взяв с собой сравнительно небольшой отряд, скорым путем выехал в Филадельфию. В Конгрессе шло очередное бюрократическое заседание, когда во дворе раздался топот копыт и бравый генерал на белом коне (без шуток) въехал в сопровождении своего отряда в здание Конгресса, со шпагой наголо. Попадали стулья, конгрессмены вскочили на ноги. Поправив парик с темно-синей лентой, повертев в воздухе клинком, сидя в седле, Вашингтон задумчиво посмотрел на бюрократов. За спиной его торчали штыки солдат Континентальной Армии, из чего конгрессмены сразу уяснили, что говорить сейчас будет вот этот самый всадник, а они будут молчать и слушать. И всадник заговорил.

– Эта... э... средства нам будут, или чего? У меня половина солдат без обуви. Не хотят ли господа, чтобы мы все одним махом перешли на сторону англичан? Вы не представляете себе, как они будут довольны, англичане. Я, господа, неважный оратор, но суть передаю правильно. Я не знаю французского, но отношения к делу это не имеет.

Генерал Вашингтон в Конгрессе (художник: Дмитрий Романовский)

И Конгресс, опасаясь команды «Заряжай! Целься! Пли!», спешно выделил средства.

Показателен, в историческом смысле, канонизированный сегодня эпизод с Полом Ревиром. Прискакав в одиночку в городок, он крикнул зычно: «Британцы идут!» И весь городок поднялся против англичан, с оружием в руках. Отметая в сторону красоты, можно заключить, что, несмотря на лоялистов, большинство населения было к англичанам настроено весьма враждебно, а англичане к населению.

И показательна иностранная помощь. На сторону Колоний встали две страны, традиционно враждебные Англии: Франция и Россия. Екатерина Вторая помогала в основном деньгами и дипломатией. Но Людовик Шестнадцатый послал в Новый Свет значительный контин-

гент в помощь Вашингтону. Самая известная фигура в этой французской стороне истории – генерал Лафайетт. Но это к данной главе не относится.

И, наконец, когда военные действия были в самом разгаре, кому-то пришлось наконец в головушку буйную их узаконить, придать им хотя бы видимость санкционированности. Дело это Конгресс поручил самому необычному человеку эпохи – Томасу Джефферсону.

В свободное от основных занятий время Джефферсон, проживая в особняке на углу, в трех кварталах от Конгресса (обычный колониальный городской особняк, прелестный, очень уютный) составил документ, вошедший в историю как Декларация Независимости.

Сегодня это менее понятно, чем тогда, но —

Основная суть документа в том, что король Джордж Третий нарушил по отношению к колонистам условия Магна Карты. Посему колонисты являются не повстанцами, а – честными вассалами-баронами, следующими пункту Магна Карты, который оговаривает независимость баронов от короля в случае нарушения королем условий контракта.

В преамбуле Джефферсон, подумав, изменил слегка фразеологию. В черновике Декларации он написал – есть законы бытия естественные, святые (имея в виду, что их и прописью писать не нужно, их все люди и так знают с рождения). Затем ему пришло в голову, что святые законы есть в Библии, а все остальные законы святыми быть не могут по определению. И нашел нужное слово – есть законы естественные, САМООЧЕВИДНЫЕ.

Присыпал песком, подул, прицепил шпагу, и пешком отправился в Конгресс.

Глава пятая. О стратегии

Собственно стратегия Вашингтона есть стратегия вынужденного сдерживания. Понятно, что напрямую конфликтовать с армией Империи было делом бессмысленным. Империя, заупрямившись, могла послать в Новый Свет столько солдат, сколько понадобилось бы для уничтожения всего населения поголовно, вместе с лоялистами и индейцами.

Вашингтон воевал следующим образом. Подводил войска, фиксировал численность неприятеля, при благоприятном соотношении атаковал, но не затягивал конфликт, а тут же отходил, стараясь сберечь столько солдат, сколько мог. Расчет был на то, что англичане устанут (в Лондоне).

Но этот подход деморализовал и армию, и население, поэтому следовало что-то предпринять для поддержания духа.

И Вашингтон форсировал Делавер. Это такая речка, солидной ширины, и именно на ней стоит восточным боком Филадельфия. На противоположном берегу реки англичане разбили лагерь и ушли спать, законно полагая, что колонисты поступят также. У колонистов было несколько лодок, а лед на Делавере только что вскрылся и плавал кусками. Но Вашингтон решил, что – пора, и в рекордные сроки переправился с армией через реку. Англичан, едва очухавшихся и мало чего соображающих, он разбил в этой битве в пух и прах, взял много пленных, и так далее.

Переправа через Делавер (художник: Эмануэль Лойце)

Примечательная деталь. Во всех хрониках упоминается этот самый мартовский лед, плавающий кусками, и на самом известном американском батальном полотне, висящем в Метрополитан Музее, этот лед наличествует. Сегодня на Делавере льда не бывает. Никогда. Можно сколько угодно распространяться, что, мол, глобальное потепление – миф, но вот и свидетельство.

Интересен случай с Джефферсоном, поверившим, благодаря этому случаю, в свою счастливую звезду. Англичане очень хотели его арестовать, ибо он был государственный преступник, написавший наглый документ, и имел большое влияние среди повстанцев. Как-то Джефферсон осматривал в подзорную трубу окрестности в какой-то местности, где пребывал, и, не увидев ничего особенного, вернулся в дом на ночевку. Там он вспомнил, что забыл на при-

горке, с которого осматривал окрестности, свою шпагу. Вернулся, подобрал шпагу, а за пригорком увидел английский отряд. И срочно убрался из этого места. Ну, это к слову.

Спустя какое-то время Вашингтону очень серьезно повезло.

Объединившись с Лафайеттом и его армией, на время забыв неприязнь свою к французам, генерал провел несколько удачных сражений, и англичанам понадобились срочные новые планы и перегруппировка войск. По идее, генерал Бургойн, шедший на юг из Квебека, должен был объединиться с генералом Хоу, вышедшим из Нью-Йорка на север, чтобы окружить Колониальную Армию. При этом соотношение роялистов и колонистов должно было по плану быть не то два, не то три к одному.

Но тот член Парламента, в обязанности которого входило подписать и отправить приказ генералу Хоу, забыл это сделать и уехал на охоту, из Лондона в Кент.

Бургойн на место встречи прибыл, а Хоу продолжал торчать в Нью-Йорке. Воспользовавшись этим, колонисты окружили армию Бургойна, которая тут же сдалась. В подписании документа, свидетельствующего о сдаче, Бургойн поучаствовал своеобразно – проявив истинно английское чувство юмора и приписав саркастический комментарий к каждому предложенному американцами пункту.

Этот же генерал затем баллотировался в Палату Лордов в Лондоне весьма своеобразным способом: пришел на выборное собрание с двумя пистолетами в руках и в окружении своих солдат. Был оштрафован на тысячу фунтов стерлингов.

Хоу все-таки выступил из Нью-Йорка на север, с большим опозданием, после чего ему пришлось отступать, и отступать очень быстро.

И был Чесапикский Залив, место расположения сегодняшней столицы Соединенных Штатов. И была стремительно отступающая английская армия. Колонисты подкатывают артиллерию. Англичане уходят к воде, где их ждут суда. В этот момент в этих же водах неожиданно появляется французский флот, который с большим удовольствием несколькими залпами эти суда топит, посему англичанам путь к дальнейшему отступлению оказывается отрезан. Их окружают и заставляют сдаться.

Король Джордж Третий читает Декларацию Независимости и реагирует так: «Накарякали, накарякали тут...»

После этого Континентальная Армия сохраняется на всякий случай в полном составе, благодаря увещеванию Вашингтона и вопреки недовольству Конгресса, до самого подписания мирного договора в Париже, в 1783-м году.

У новой страны нет ни законов, ни конституции, ни официальных границ. Все это предстоит как-то придумать и сформулировать. Но самый умный (и самый капризный) Джефферсон решает, что пора и отдохнуть, и выговаривает себе должность американского посла во Франции. И живет в Париже со своей любимой девушкой, она же квартиронка (на четверть негритянка) и его собственность, которая ТОЖЕ не очень хочет обратно в Америку, поскольку в Америке она – рабыня Джефферсона, а в Париже у нее светский салон и все от нее без ума.

Возвращаются они в Америку (помогать писать Конституцию) только когда разъяренная толпа начинает развешивать парижских аристократов на фонарях вдоль Риволи. Джефферсону, очень любившему Париж, эти пейзажные новшества совершенно не понравились. Что, мол, такое – я тут отдыхаю, веду светский образ жизни, а мне вон чего кажут. Нет, так дело не пойдет. Что ж, поедем обратно, а то дураки без меня ничего придумать не могут в смысле конституции.

Может, все это было не совсем так. Но настораживает именно совпадение по времени – Французской Революции, возвращения Джефферсона, написания Конституции и избрания Президента.

Глава шестая. Отступление о рабовладении

До примерно середины восемнадцатого века с рабовладением в Колониях дело обстояло, как везде. Белые рабы наличествовали и воспринимались совершенно спокойно. Наличествовали также свободные негры, имевшие рабов, в том числе и белых. Этот факт старательно обходится сегодня всеми историками.

Человечество спокойно пережило феодализм, вступило в эпоху Индустрии, а рабовладение так толком и не было признано пройденным этапом.

Когда наладилась поставка из Африки, белых рабов в Америке держать стало невыгодно. Одна морока. Откуда мне знать, раб он или нет. Как его ловить, если он сбежит. Черного ловить проще: если черный и бежит, значит – беглый раб. Хватай и заставляй признаваться, кто хозяин, получишь от хозяина вознаграждение.

Затем на стремительно индустриализирующемся Севере потребность в рабах отпала совсем, содержать их стало безумно дорого и нерентабельно, и, без всякой помпы, штат за штатом стал запрещать на своих территориях рабовладение. Кроме этого, в нескольких штатах, присоединившихся к Союзу в девятнадцатом веке, рабов не было изначально.

Казалось бы – все хорошо, а дальше будет лучше, но наметился, увы, порочный круг.

Во-первых, как это всегда бывает, освобожденные рабы оказались в еще худших условиях, чем были раньше. Денег нет, и на работу никто не берет. Хоть пропади. И многие ехали в рабовладельческие штаты и там продавали себя в рабство.

Во-вторых, естественный отбор никто не отменял. Часть населения, проведшая больше века в рабстве, дает потомство, склонное к рабству, поскольку протестующие отсеиваются – и хозяевами, и собственно женщинами, которые ищут в будущем муже надежного отца для будущих своих детей, а не безумного повстанца, который, поди, еще и изменять ей будет.

После отмены рабства сословный менталитет продолжает доминировать. Большая часть потомков рабов отличается от остального населения цветом кожи. Круг замыкается. Если ты черный – место твое в местах для черных, в трущобах, в нищете, сиди, не высовывайся, никаких прав у тебя нет.

И всё это несмотря на то, что в других рабовладельческих странах той же эпохи (в Германии и России, например) процент рабов по отношению к населению был значительно выше, чем в Америке. Но, будучи одного цвета кожи с людьми свободными, рабы эти были (в историческом смысле) менее на виду, и, освободившись, некоторые из них, или же их дети или внуки, занимали положение в обществе, сравнимое с положением бывших рабовладельцев. Не все, но некоторые.

Потомки рабов во всех странах сходны: менталитетом, манерами, характером. Естественный отбор и разница в классах продолжают свое пагубное дело. Но в Америке больше контрастов, чем в других странах – из-за, опять же, цвета кожи.

Во всех бывших рабовладельческих странах основную популяцию детдомов составляют именно потомки рабов (серфов в Англии, крепостных в России – названия разные, суть одна). В Америке контраст: почти все детдомовские – черные. В России: контраста меньше. Посему бездетные белые американские пары, в виду дурости своей, предпочитают усыновлять обитателей РУССКИХ детдомов. И даже становятся в очередь и платят несусветные деньги, хотя могли бы усыновить черного мальчика или девочку из местных бесплатно.

Потомок русских крепостных может, при определенных личных качествах, перейти в другое сословие, ибо, несмотря на простецкие черты лица, все же имеет белый цвет кожи – а мало ли бывает простецких лиц в любых сословиях!

Черные же американцы в этом смысле – обречены. Возможно, на много еще поколений вперед. Они могут быть интеллигентными, рафинированными, или богатыми – это никого не волнует. Цвет кожи свидетельствует о происхождении.

Но, может, в ком-то проснется наконец чувство сострадания, и возжелает он поменять местами потомков рабов и потомков хозяев?

Частично это уже произошло. И в Америке, и в России. Результаты пока что весьма неприглядные. Борьба за справедливость ни к чему другому никогда не ведет. Справедливости не бывает. Бывает милосердие.

Глава седьмая. Сага о помощи

Томас Джефферсон не раз посещал Президента в резиденции, доверительно толкуя ему о помощи бывшим союзникам – то бишь французам. Мол, они нынче (союзники) остро нуждаются – в еде, одежде, золоте и солдатах. Всё это мы можем им дать, и будет это выглядеть, как будто мы им платим долг чести. Они, союзники, устроили у себя справедливую революцию, свергли тиранию, и за это вся Европа на них ополчилась и кинулась их завоевывать. Возвращение долгов есть – хороший тон, господин Президент.

Вашингтон, поправляя парик с недовольным видом, отвечал дипломатично:

– Ты, Томми, не дури, знаешь ли. Ты хоть и государственный секретарь, а соображения у тебя никакого. Союзника нашего звали Луи Шестнадцатый. Действительно, он был верный союзник. И генерал Лафайетт был союзник и соратник, что и доказал на поле брани. А дружки твои в Париже оттяпали Луи Шестнадцатому башку на площади [бывшая Площадь Революции, нынешняя Площадь Согласия, Пляс де ля Конкорд. В. Р.]. Это как же, достойное поведение, по твоему? А? Законного правителя – не сослали, не определили в простые граждане – а попросту убили! Без всякого закона, без приговора! Так вот – не будет этим гадам из мещанского сословия никакой помощи от нас – ни государственной, ни частной.

Почтенному собранию предлагается вычислить – был ли сей отказ мотивирован памятью об операции Черный Ястреб, или же государственными интересами, а то и собственно логикой рассуждений Президента.

Площадь Согласия (Конкорд) в Париже

Глава восьмая. Конституция и религия

Автором Конституции Соединенных Штатов считается Джеймс Мэдисон, хотя, конечно, места, где Джефферсон приложил руку, видны невооруженным взглядом. Также видно, что и где написано под непосредственным влиянием Бенджамина Франклина.

При составлении и принятии этого документа было очень много споров и драк, и, в общем, спорящие разделились на два лагеря – лагерь Томаса Джефферсона и лагерь Александра Гамильтона.

Гамильтон, не имеющий (по этой самой Конституции) права быть президентом США (поскольку родился вне страны, на островах), был федералист, сторонник сильной централизованной власти.

Джефферсон прочно стоял за самоуправление на местах.

Факт, который историки обычно обходят стороной – о формах правления спорили долго, и демократия вовсе не была безоговорочно принята, как лучшая из возможных форм. Согласно одной версии были даже предложения, серьезно обсуждавшиеся, создать конституционную монархию (с назначением Джорджа Вашингтона королем).

Тем не менее, Закон Земли Нашей (the Law of the Land) составлен был таким образом, чтобы государственную власть рассредоточить как можно надежнее (боялись возможного диктаторства и вмешательства власти в дела, которые ее не касаются). После многочисленных споров к Конституции были добавлены десять поправок (известные сегодня как Американский Билль о Правах).

Сегодня, когда упоминание Бога, молитву в школах, и так далее, разные умники называют «антиконституционными», неплохо вспомнить слова главного автора документа (кои слова НАМЕРЕННО ЗАМАЛЧИВАЮТСЯ), произнесенные при принятии Конституции:

«We've staked the whole future of American civilization not on the power of government, far from it. We have staked the future of all our political institutions upon the capacity of each and all of us ... to Govern ourselves according to the commandments of God. The future and success of America is not in this Constitution, but in the laws of God upon which this Constitution is founded».

То есть:

«Мы доверили будущее американской цивилизации не власти правительства, вовсе нет. Мы доверили будущее всех наших политических институтов способностям всех и каждого ... управлять собой в соответствии с заповедями Бога. Будущее и успех Америки не в Конституции, но в законах Божьих, на которых эта Конституция основана».

Некоторые из составителей и подписантов документа (в том числе Джефферсон) хотели заодно запретить, навсегда, любые политические партии. Не вышло. А жаль.

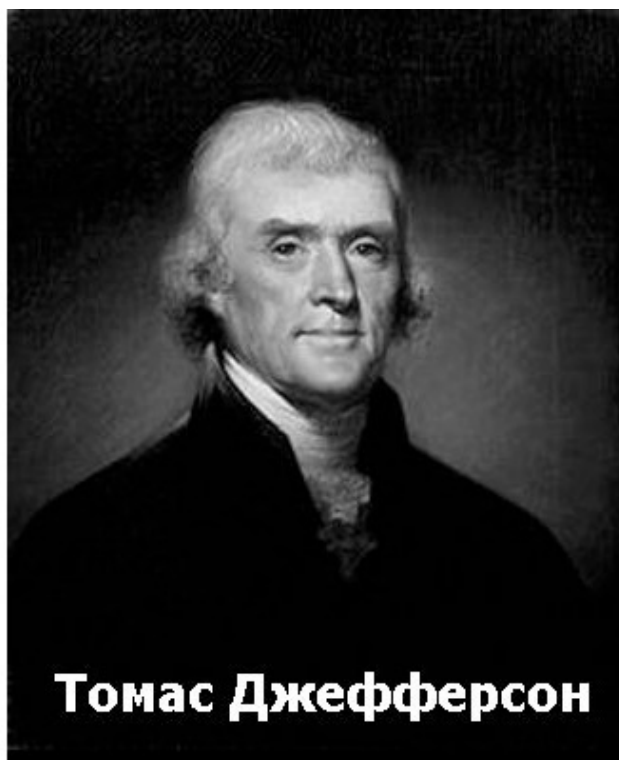
Конституция давала право голосовать на выборах всем белым мужчинам, достигшим восемнадцати лет, являющимся гражданами Америки, и имеющим собственность. Идея заключалась в том, что, мол, ежели умеешь управлять хозяйством настолько, что собственность не растерял, то и в управление страной вполне годишься. Уже тогда такая постановка вопроса вызвала массу протестов.

Первым Президентом стал Джордж Вашингтон, не принадлежавший ни к одной политической партии. Его выбрали и на второй срок. В третий раз Вашингтон, не баллотировавшись, все равно набрал (возможно по инерции) два процента от общего количества голосов. Вторым Президентом стал Джон Адамс, а третьим Томас Джефферсон. С приходом к власти Джеф-

ферсона начались в стране весьма интересные и познавательные события. Но это уже другая история.

Глава девятая. Томми

На сегодняшний день Томас Джефферсон – самая незаурядная личность в американской политике. Ван Берен был барин, Бьюкенана и Линкольна подталкивали стихийные события, Франклину Делано Рузвельту помогала создававшаяся сама собой абсурдность обстановки, Кеннеди сделали рекламу газетчики. Джефферсон стоит особняком. Он сам по себе. Он личность вне зависимости от обстановки.

Томас Джефферсон (художник: Рембрандт Пил)

Джефферсон был рабовладельцем, уроженцем штата Вирджиния, на стыке Севера и Юга, самого неумного штата Америки.

Влюбленный без памяти в свою рабыню (на четверть черную, на три четверти белую, по слухам – необыкновенной красоты), начал с ней роман, когда ей было всего четырнадцать лет. Впрочем, может, она рано повзрослела. Так или иначе, в Париже у нее были большие возможности, но она осталась Джефферсону верна. Очевидно, тоже любила. У них было множество детей. Также у него, Джефферсона, было множество детей от законной супруги. Не помню, сколько. Многочисленные потомки Джефферсона, белые и черные, шляются по миру до сих пор и везде, где они появляются, начинается брожение умов.

Победив на выборах, Джефферсон занялся наконец политикой. До этого он занимался только идеологией и эпикурейством.

Было начало девятнадцатого века. Огромные территории Луизианы (тогдашняя Луизиана – это не сегодняшний штат – названная так в честь Людовика Четырнадцатого, Луизиана включала земли от Мексиканского Залива до границы с Канадой, четверть сегодняшней Америки) принадлежали когда-то Испании, и только что по договору отошли ко Франции. Американский посол в Европе пытался вывести испанцев и Наполеона на чистую воду, но они договор отрицали. При этом на территории Луизианы стоял полумиллионный французский контингент, а испанцы всерьез занялись Мексикой.

Когда Наполеон говорил о власти над миром, он не трепался попусту – он имел это в виду.

Наполеон Бонапарт

Территория была нужна также и Джефферсону. И испанцам. И даже англичанам. Территория вдоль Миссиссиппи – плодородная неразработанная земля, невиданное нигде в мире речное сообщение, хлопок, и так далее.

Джефферсон терпеть не мог военные конфликты. Они отвлекали его от его эпикурейских занятий. Поэтому вместо того, чтобы объявлять войну, он просто послал к Наполеону посла, прорепетировав с ним текст. Экспансия началась мирным путем.

Джефферсон безусловно учел к этому моменту – положение Наполеона, завязшего в полудюжине европейских конфликтов, а также отсутствие у Наполеона чувства юмора. Он рассчитал, и весьма правильно (как оказалось), что Наполеон примет шутку всерьез.

Посол Джефферсона сказал буквально следующее —

– Ваше величество! В данный момент в Луизиане находятся не то триста, не то четыреста тысяч ваших многоуважаемых солдатен. Вивь ля Франс. Завтра, вивь ля Франс, мы можем послать туда четыре миллиона штыков. Вивь ля Франс. Американского производства. Вивь ля Франс. Двадцать миллионов долларов – окей?

– Двадцать миллионов – за что? – спросил Наполеон, держа, по привычке, руку за обшлагом сюртука.

– А за Луизиану, – ответил посол. – Такая земля. Речка там еще течет широкая такая. Вивь ля Франс и вивь лично вы, ваше императорское величество.

Сказав свое любимое (если верить историкам) слово – *merde!* ... – Наполеон согласился.

С этого момента стал стремительно расти город под названием Новый Орлеан. По слухам, безусловно пустячным, но интересным, именно туда привезли похищенного со Святой Елены

Наполеона. На доме даже табличка висит. На первом этаже бар. Я там пивал, пивал бордо. Очень даже неплохое бордо. И везде гравюры с портретами Наполеона.

Отработав президентом два срока, Джефферсон ушел на пенсию и заделался обыкновенным фермером. Он сказал много чего интересного в жизни. Ему приписывается (вроде бы) изречение – Французы хотят для себя американских законов, но у них нет для этого американских граждан. Это легенда. Может было, а может нет.

Не легенда – это изречение из его уже фермерской жизни в Вирджинии —

– Если мы будем спрашивать у федеральных властей в Вашингтоне, когда и как нам сеять, и когда собирать урожай, мы завтра останемся без хлеба.

Возлюбленную Салли он освободил – в завещании. Типа, мне лучше знать, и тебе, и мне спокойнее, если ты будешь моей рабой, пока я жив. А то мало ли что в головушку твою буйную тебе взбредет, дура.

Джефферсон оставил невероятное количество заметок и эссе – обо всем на свете. О гражданственности, о Конституции, об истории, о христианстве, о рабовладении, о белых и черных (к последним относился по-отечески и свысока, но отдавал себе отчет в неправомерности и неправомерности именно принижения черной расы).

Собственно рабовладение здесь не причем. За пять лет до рождения Джефферсона раб в Америке, как и во всех других странах, кроме тех, где рабовладение (серфы, крепостные, и т. д.) было запрещено – вполне мог быть белым. Этот факт обходится историками.

При этом удивительно, что до сих пор не цензурирован в этом смысле роман Роберта Луиса Стивенсона «Похищенный». Действие романа происходит в 1760-х (кажется) годах, героя (наследника, у которого дядя отобрал наследие и статус) везут в Америку – продавать в рабство.

К этому прибавим забавность ситуации. В КАКУЮ Америку его везут? ОЧЕНЬ возможно, что не в Соединенные Штаты, но в еще не присоединенные территории Луизианы. Испано-французские.

По выходе Джефферсона в отставку и переезде в Вирджинию, последующая администрация обнаружила, что Белый Дом должен десять тысяч долларов за бордо! (Уж не знаю я, запутался, сколько это на сегодняшние деньги, но, очевидно, умопомрачительная сумма, учитывая, что подоходного налога на простых граждан тогда не было).

Забавен пассаж из эссе Джефферсона, где он упоминает черных, сегодня все черные радикалы его приводят в доказательство гадства белых людей вообще. Написано там более или менее следующее —

«Черные не заливаются краской и не бледнеют при изменении внутренних чувств, и это – бедность выражения лица, в то время как у белых эти изменения цвета прекрасны в художественном смысле. Черные много секретий выделяют через поры кожи, намного больше, чем белые, поэтому от них сильно пахнет. Черные очень любят предаваться бездумным празднествам, в которых не участвует мысль. Очень суеверны. В опасных ситуациях, в бою, например, черные не менее смелы, чем белые, но это просто потому, что не могут себе представить последствий своей смелости, им не хватает воображения».

Население Соединенных Штатов во время Войны За Независимость (она же – Революция) – год 1775-й – около пяти миллионов.

Население Соединенных Штатов во время президентства Джефферсона – около четырнадцати миллионов.

Население России в это же время – около двадцати четырех миллионов.

Население Франции (кажется, точно не помню) около двадцати пяти миллионов.

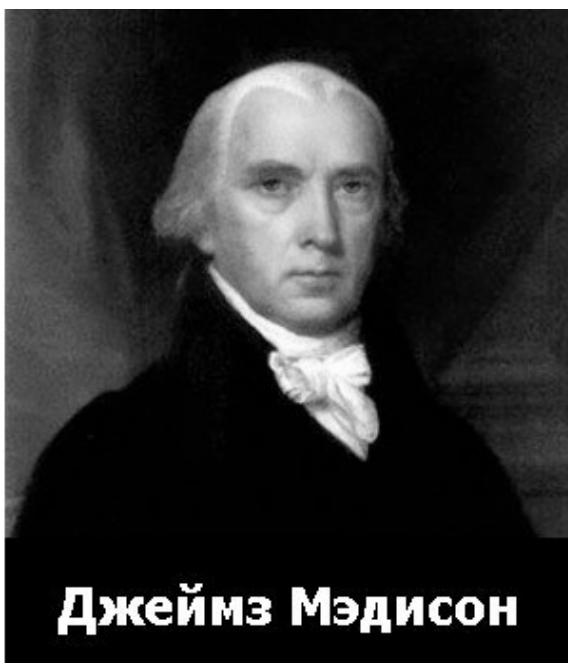
Глава десятая. Война г-на Мэдисона

В 1812-м году началась наконец Самая Первая Мировая Война. Не Первая, а Самая Первая. Опять Джордж Третий и, как это у Байрона —

In my hot youth, when George the Third was king...

Эдгару По было три года, Вашингтону Ирвингу (фонтан литературных сюжетов, которые потом заимствовали у него все, кому не лень, во всем мире) двадцать девять, а мир был занят войной. Воевали все подряд, со всеми подряд.

Президент Джеймс Мэдисон, официальный автор Конституции, не был занят в военных конфликтах, и это его угнетало. Зубоскалившие по этому поводу как раз и придумали, что конфликт с Англией именно из-за этого и был учрежден. И называли войну 1812-ого года «Войной г-на Мэдисона». Мэдисону сие было неприятно. Возможно также неприятно ему было, что жена его пользуется будущей популярностью, чем он сам.

Джеймс Мэдисон. Художник: Джон Вандерлин

Долли Мэдисон была дама забавная, смешливая, простых нравов. Вешала веревки поперек главной гостиной Белого Дома и сушила на них белье. Принимала у себя всех подряд, ездила ко всем подряд – в общем, была народная любимица.

Правда, Мэдисон был, помимо всего прочего, человек умный. А это всегда приятно.

Британский Парламент, чтобы не сидеть без дела, издал некие Указы Совета, запрещающие частично всяким посторонним кораблям мотаться по Атлантике туда-сюда без особой грамоты с печатью. Указы подписали, ратифицировали, положили под сукно, и тут же о них забыли. Американский Конгресс решил, что это против них написано. Мэдисон выступил с речью. Было решено объявить англичанам войну. И объявили.

Англичане ужасно обиделись, снарядили несколько флотилий, и поехали присоединять Америку обратно. Сперва было весело. Потом война затянулась и стало грустно. Потом конфликт усилился. Все Восточное Побережье было блокировано, свежая флотилия под предводительством адмирала Кокберна прибыла в Чесапикский Залив. Вашингтон был эвакуирован. Англичане вошли в город, постреляв в окрестностях и уложив нескольких фермеров,

а в городе – накидав в пустые здания факелов. В том числе – сожгли к свиньям пустующий Белый Дом. В Бостоне и Чарльзтоне американцы держали оборону. Новый Орлеан был взят, и англичане под шумок собирались оставить его себе вне зависимости от исхода конфликта. Противостояние затянулось. Через три года был подписан мир, в Бельгии, между Англией и Америкой, но вплоть до ратификации военные действия прекращать никто не собирался, а также не собирались отдавать Новый Орлеан.

Здесь вступает в дело Андрою Джексон – авантюрист, проходимец, карьерист, дуэлянт, остроумец, мыслитель, неумный и неудержимый. Тощий – камзол на нем болтается как на вешалке. Сын иммигрантов – ирландца и шотландки. Но – уроженец Юга, и истый южанин по воспитанию и темпераменту. Родившийся в избе-срубке.

Андрою Джексон

Президент Андрою Джексон

В свое время стал сожительствовать с женщиной, которую вроде бы бросил муж. Потом муж умер, и Джексон на своей даме женился. Но был очень чувствителен к скабрёзным шуткам по этому поводу. И однажды с кем-то сильно поспорил. С человеком по имени Дикенсон. И вызвал Дикенсона на дуэль. У Дикенсона была репутация лучшего стрелка всех штатов Юга. Выбор оружия был за ним, и Дикенсон выбрал пистолеты.

Им пришлось пересечь границу штата (вот не помню! – Миссури или Теннесси?), поскольку в данном штате дуэли были запрещены, а в соседнем нет. Рано утром противники стали в позицию и получили сигнал стрелять. Дикенсон прицелился, выстрелил, и попал. Говорят, Джексона спасла пуговица и худоба. Пальто на нем болталось, создавая дополнительную защиту от пули, а пуля угодила в бронзовую пуговицу. Прошла через пальто, сломала два ребра, и застряла где-то возле сердца. Также говорят, что вытащить ее (в то время) было невозможно, и Джексон так с ней и проходил всю жизнь. В общем, Джексон схватился левой рукой за грудь. А правой поднял пистолет. Дикенсон отступил на шаг, ошарашенный, и сказал – как! я, что, промахнулся? Ему указали, что нужно встать обратно к отметке. Он пожал плечами непринужденно, сделал шаг вперед, и скрестил руки на груди, не бросая пистолет. Джексон прошил его выстрелом насквозь. К вечеру Дикенсон умер. А Джексон провалялся неизвестно сколько времени в бреду и горячке, но выздоровел и пошел в гору.

Был очень красноречив. Умел вести за собой людей. Много читал. Неплохо разбирался в истории. Любил острить.

В битве за Новый Орлеан, длившейся два месяца, участвовало очень много разношерстного народа, в том числе из меньшинств. На стороне англичан участвовали черные солдаты с Джамайки, а также луизианские черные рабы, которым за участие обещали свободу. На сто-

роне Джексона участвовали свободные луизианские негры, некоторые из которых имели рабов. С обеих сторон участвовали индейцы. Участвовали и армия и флот. Восьмого января состоялась решительная баталия, в которой генерал Джексон, имея вдвое меньший контингент, прошел по англичанам катком.

В Новом Орлеане по этому поводу сделались смешанные чувства. Половина города превозносила Джексона, другая половина ненавидела.

Так или иначе, на главной площади, перед собором Святого Людовика, Джексону поставили конный памятник, в бронзе, на солидном пьедестале (к этому пьедесталу мы еще вернемся – через пятьдесят лет).

Цивилизованный мир явно устал от войны. Хотелось роскоши, беззаботных развлечений, цветов, шампанского. Следующий президент, Монро, автор «Доктрины Монро» обманул надежды Хенри Клея, который рассчитывал стать министром иностранных дел. Назначил вместо него Джона Квинси Адамса, сына второго президента Америки (и будущего президента! – у Бушей были предшественники). Жена Монро, Элизабет – светская дама, предпочитающая проживать в Париже. Белый Дом отстраивается и модернизируется, и обставляется парижской мебелью. Инаугурационный бал дается такой роскошный, что самому Монро становится стыдно (а жена радуется). Помимо этого, Элизабет Монро привозит из Европы титул «Американской Красавицы», и Монро тайно ревнует.

Наполеон торчит на Святой Елене. Российская Империя вступает в свои права, как «Жандарм Европы». Правит Британия морями.

Во время войны рождаются, в одном и том же году, в Италии и Германии, Верди и Вагнер. Четверка оперных театров в Новом Орлеане ждет зрелости этих двух композиторов. Но увы, увы... Новый Орлеан ОЧЕНЬ хочет быть культурной столицей обеих Америк. Увы.

Джузеппе Верди

Рихард Вагнер

Джузеппе Верди и Рихард Вагнер

Здесь начинается, хоть и с большим запозданием, действовать исторический закон отношений севера и юга, единый для всего мира.

Север – культурный богатый центр, оплот и так далее. Но собственно культуру страны создают (почти всегда) приехавшие на север южные провинциалы с комплексом неполноценности. Они рождаются и растут на своем юге, где они никому не нужны. Оказываются востребованными на севере. После чего юг их канонизирует.

Именно с этого времени, с Доктрины Монро, с разделения на индустриальный Север, агрикультурный Юг, и плохо разведанный Запад, начинается великое противостояние Севера и Юга. Оно не окончено до сих пор. Перемирие подписано – но никем не признано.

Война Англии и Америки 1812-ого года известна еще одним интересным эпизодом.

В 1750-м году в Англии родился некто Джон Стаффорд Смит, ставший впоследствии церковным органистом, композитором, и коллекционером рукописей Иоганна Себастьяна Баха. Еще подростком Смит вступил в лондонский клуб музыкантов-любителей, называвшийся «Анакреоническое Общество» (по ассоциации с придворным поэтом древней Эллады Анакреоном). Общество решило написать что-то вроде символической застольной для себя, и Смиту было поручено заняться музыкальной частью. Напомню, что Моцарт-младший (который Вольфганг Амадеус) родился на шесть лет позже Смита и во время оно под стол пешком ходил (ну, хорошо, гастролировал с отцом по Европе, играл на роялях с завязанными глазами, и так далее, но до музыкальной блистательности было все еще очень далеко). Смит, обожавший Баха, вдохновлялся музыкой этого композитора, а также шотландскими напевами, да и Генелем тоже не пренебрегал. И ему удалось сочинить весьма красивую, стильную мелодию, трудноватую для исполнения. Стихи написал президент клуба Ральф Томлисон.

Песня вошла в большую моду и распевалась всей Англией, и всеми колониями, очень долгое время.

В сентябре 1814-ого года (война все еще была в полном разгаре), тридцатипятилетний американский адвокат (и поэт-любитель) по имени Франсис Кей плыл в Балтимор на шхуне с белым переговорным флагом. Цель его была – добиться освобождения Уильяма Бинза, пожилого, любимого в округе Верхнего Марлборо, доктора и друга Кея, которого оккупировавшие Вашингтон англичане взяли в плен, и который обвинялся ими в укрывании английских дезертиров. Кей прибыл на флагманский корабль англичан и участвовал там в корабельном обеде с генералом Робертом Россом и адмиралом Александром Кокрейном – в то время как те обсуждали военные планы. Сперва генерал и адмирал отказывались отпускать доктора, но после того, как Кей показал им письма, написанные английскими ранеными пленными, хвалившими Беанза и других американцев за доброе отношение к ним, пленным, отношение, согласились.

Чтобы Кей не разгласил сведений о надвигающейся баталии, которая обсуждалась за обедом, его оставили на флагманском судне до предполагаемого конца сражения. Перед самым сражением его перевезли обратно на его шхуну, стоявшую позади строя фрегатов и не имеющую возможности пройти к берегу. С него взяли честное слово, что он не попытается бежать. В семь утра британский флот атаковал форт МакХенри, и атака эта положила начало Сражению при Балтиморе. Обстрел форта продолжался весь день и вечер, и кончился далеко за полночь. В рассветных лучах Кей, взглядываясь в берег, увидел упрямо развевающийся над фортом американский флаг.

Прибыв на берег, Кей в патриотическом порыве написал четыре станзы под названием «Защита Форта МакХенри». Впоследствии муж его сестры, прочтя стихотворение, заметил, что оно более или менее укладывается, с некоторыми натяжками, в музыку песни «Анакреонического Общества», все еще известной в англоязычных странах. Стихи отнесли в типографию и напечатали без подписи, в Балтиморе, через три дня после сражения. В газете, напеча-

тавшей стихи, указывалось, что их можно петь на известную всем мелодию. Несколько газет в других штатах перепечатали текст с такой же пометкой, а Томас Карр, владелец музыкального магазина в Балтиморе, опубликовал слова вместе с партитурой, заменив при этом название на «Звездами Усыпанное Знамя». В этом виде песня стала популярной с легкой руки балтиморского актера Фердинанда Дуранга, спевшего ее в таверне.

Через сто шестнадцать лет песню эту официально объявили национальным гимном Соединенных Штатов Америки.

Дословный перевод первого куплета (который в основном и исполняется) такой —

О скажи, видишь ли ты
В ранних лучах рассвета
То, чему так гордо мы салютовали
В последних отблесках сумерек,
Чьи широкие полосы и яркие звезды
Сквозь яростный бой
На который мы смотрели из-за валов
Так великолепно струились на ветру?
И красное зарево ракет,
И бомбы, разрывающиеся в воздухе
Всю ночь давали нам знать,
Что не исчез наш флаг.
О скажи, это звездами усыпанное знамя развевается ли все еще
Над землю свободных и родиной храбрых?

Глава одиннадцатая. К вопросу о демографии

В эпоху президентства Джефферсона был принят федеральный закон, запрещающий ввоз в страну рабов – во всех штатах, по нескольким причинам. Во-первых – неприлично. Во-вторых (по мысли Джефферсона) – рабство вообще грех, и должно сойти на нет само собой в скором времени. В третьих, и чуть ли не в главных – в то время, когда в Карибском Регионе ввоз рабов был обусловлен тем, что они там плохо плодились и быстро умирали, в Соединенных Штатах черное население стремительно росло.

В начале девятнадцатого века борьба женщин за равноправие стала модной темой. В частности, сама Долли Мэдисон была феминистка, суфражистка, и так далее.

Дело, правда, не в этом. А в том, что за всеми этими политическими ходами, которые больше всего привлекали внимание, в Америке стартовал интересный процесс, который сперва и не заметили даже толком.

В страну начали прибывать иммигранты из Германии и Ирландии. Поток то увеличивался, то сходил на нет, то вдруг бурно разрастался. Принято выделять две больших немецких волны и две ирландских, но это очень условно.

Ирландцы дали Америке ее литературу, как в ранние века, но и в обсуждаемое время тоже, дали литературу Англии. Честно говоря, если покопаться, может и еще какой-нибудь стране они ее дали. В талантливых литераторах любой страны следует подозревать ирландские корни. Ирландцы очень остроумно умеют говорить, и также остроумно иногда пишут. А темы у них преимущественно глобальные. Существует американский анекдот – Зачем Бог изобрел виски? Чтобы ирландцы не захватили власть над миром.

А с немцами совсем интересно. В данный момент этнические немцы – самая большая этническая группа США, впереди англосаксов. Но и это не очень важно, а важно вот что. В Германии наличествовало крепостное право. Европу раздирали войны, политические конфликты, очень высокие по этому поводу налоги, привязки к земле крестьян, наследие язычества и междоусобиц, и прочая и прочая. В Америке ничего этого не было. Америка – очень большая страна. Земля (учитывая территории, приобретенные Джефферсоном, да и Восточное Побережье тоже) – огромна, и стоит гроши, хоть купить, хоть в аренду, хоть в аренду с правом покупки в дальнейшем. Помимо этого, права на эту землю, легально полученные, охраняются впоследствии законом, который в Америке, благодаря этике пилигримов, чтут, и произвол не допускается даже со стороны федеральных властей. Религиозные убеждения не преследуются. Северных немцев, католиков, больше никто не будет ненавидеть и притеснять. Южных немцев, лютеран, тоже. Представители самой работающей нации на земле почувствовали свободу и вцепились в нее и в землю стальной немецкой хваткой. И стали строить фермы и обхаживать участки. И за два десятилетия подняли американское сельское хозяйство на невиданную, беспрецедентную высоту. К тому же помогала сама земля – самая благодатная на планете. О недоедании вне городов забыли начисто. В городах иногда в дело вмешивалась индустрия, и даже политика, но и там жили сносно. Даже в пик индустрии.

Нищенствующий Джек Лондон в молодости – нуждался очень сильно, ел всякую гадость, одевался плохо, жил в каморке. Но – каморка была своя. А на пропитание он зарабатывал себе так – на три месяца в году уходил в море матросом. Остальные девять месяцев жил в каморке и занимался самообразованием. И пытался писать. В Европе это было – совершенно невозможно, ни в каком году, ни в каком веке.

Джек Лондон, литератор

Впоследствии разбогатевшие немецкие фермеры посылали детей учиться в престижные университеты, и дети эти занялись и строительством. Заодно. А уж когда немцы строят – то строят. На века.

Одновременно с этим шел негативный процесс – мобильное население Америки, постоянно перемещающееся с места на место, любило моду и не любила старое. Это переросло в манию. Каждый ухарь, прикупивший себе особняк, считал своим долгом его непременно перестроить на современный лад. Так погибло, почти полностью, уникальное колониальное барокко.

В это же время начал стремительно разрастаться и отстраиваться главный город Нового Света – Нью-Йорк. Аристократия постепенно покидала Филадельфию. Снобистский Бостон оставался академическим, но потерял статус культурного центра. Чикаго был весь деревянный и глупый. Новый Орлеан очень сопротивлялся растущему влиянию Нью-Йорка, но его давили тарифами (что и привело, отчасти, к Гражданской Войне). А сам Нью-Йорк рос, ширился, хорошел, и к середине века уже никто не сомневался, где настоящая столица страны. Вашингтон – всего лишь Камелот, или разросшийся административно Версаль. Чтобы городу приобрести статус главного, ему нужно стать привлекательным для всех слоев общества. Нью-Йорк стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.